

Глава 1

ТАЙНЫ ОПТОМ И В РОЗНИЦУ

В жизни всегда масса причин, чтобы чего-то не делать: не бороться, не рисковать, поджать лапки и скиснуть, когда нужно бороться и достигать. Всегда вперёд! Разочарование от НЕСДЕЛАННОГО — самое большое разочарование.

*Личные записи
Сарданапала Черноморова*

Состояние между сном и бодрствованием маги называют «прозорливым предутрием». Именно в этот короткий час приходят ответы на вопросы, которые мучительно задаёшь себе днём.

И вот в то октябрьское предутрие, когда мы начинаем свой рассказ, Таня внезапно поняла, что относи-

тельному и хрупкому душевному равновесию, которым она гордилась последний месяц, этому доказательству своей окончательной взрослости наступил конец. Осознав это, Таня открыла глаза и, не двигаясь, долго смотрела в потолок. Во дворе Тибидохса глухо перекликались циклопы. Ночью мавки опять прорывались из подземного тоннеля в парке, и Поклёп принял все меры предосторожности. В общем, обычное раннее утро обычного осеннего дня.

Заснуть Таня уже не смогла. Ей стал мерещиться толстый чёрный кот, который вспрыгнул к ней на грудь, поднял морду и улыбнулся многозначительно, совсем не по-кошачьи, напомнив Тане чью-то очень знакомую улыбку.

— Чушь! — сказала Таня.

Она рывком села и произнесла заклинание. В комнате вспыхнул свет. Не позволяя себе долго раскачиваться, Таня стала готовиться к магспирантским экзаменам.

«Таня, ты обязательно должна прочесть книгу Онуфрия Приплюснутого «Слова, которые убивают». Только не оставляй её на ночь открытой. Там по страницам блуждает автор, а это не для слабонервных», — сказал ей вчера Сарданапал.

Ознакомившись с сочинениями Онуфрия, Таня отправилась на завтрак. По дороге она привычно побарабанила в комнату Ягуна. Играющий комментатор последнее время просыпал завтраки. Исключением были случаи, когда он не ложился вообще. Но после бессонной ночи у Ягуна обычно не бывало аппетита. Он ложкой прокапывал в каше траншеи и требовал, чтобы вместо солдат в них посадили кусочки солёного огурца или ветчины.

— Не входите, умоляю! Я смущаюсь! Дайте хоть в одеяло закутаться! — сразу после стука раздался из-за двери панический вопль Ягуна.

Таня собралась ждать, но тут дверь распахнулась, и на пороге вырос играющий комментатор во влажном драконбольном комбинезоне. Заметно было, что он только что откуда-то прилетел.

— Не смешно. Что, опять не ложился? — спросила Таня.

— Видишь ли, я надумал наскоро поменять в пылесосе свечи. Поменял свечи, решил попутно посмотреть реактивный усилитель. И свернул там одно крепление... Ну и пошло-поехало. А потом, конечно, пришлось полетать, чтобы проверить, всё ли нормально. И снова, понимаешь, движок трои!

— Ягун, тебе никогда не приходило в голову, что техника ломается только у тех, кто её чинит?

— Да ну... Хочешь новую экзаменационную задачу? Встречаются в лесу два чувака. Уровень магического мастерства одинаковый, боевой опыт тоже одинаковый. Короче, всё примерно равное. У первого — молот Перуна, у другого — трезубец Посейдона. Оружие, ясный перец, непобедимое, круче нет. Первый чувак — в нагруднике Зевса, у второго доспехов нет, зато на шее амулет — пятка Ахилла. Начинается бой. Удары нанесены одновременно. Кто кого замесит?

Таня пожала плечами:

— Да никто никого. Трезубец Посейдона не посягнёт на мага в нагруднике Зевса. Это дружественные артефакты. А молот Перуна не тронет некромага.

— А как ты докажешь, что второй — некромаг? — разочарованно спросил Ягун.

— Никто, кроме некромага, кости на себе таскать не будет. Они из него силы высосут. Пятка Ахилла — это кость. Что, неправильно?

— Да правильно, — кивнул Ягун. — Я тоже сразу догадался. А третьекурсники почти все засыпались. Вот что значит новая школа.

По дороге в Зал Двух Стихий Таня и Ягун встретили Сарданапала. Академик поклонился несколько на старомодный манер и хотел пройти.

— Постойте! Академик, можно вопрос — милый и ненавязчивый, как я сам? — внезапно завопил Ягун.

Сарданапал остановился:

— Нет. Никаких новых вопросов, особенно милых и ненавязчивых, как ты!

— А я новых и не задаю. Помните мой вчерашний вопрос? Да или нет?

— Разве я вчера не сказал нет?

— Ну поэзья! Не за себя же прошу! Хотите, я на колени встану, а Танька вас поцелует и зайчиком попрыгает?

— Чего-о?! — возмутилась Таня, которая вообще не понимала, о чём Ягун просит Сарданапала.

Сарданапал поморщился. Совершенно ясно, что Ягун не отстанет.

— Опять та же песня! Ну хорошо... Если Ягге поручится, что всё будет более-менее цивильно... — нерешительно начал академик.

— Ура! Считайте, что она уже поручилась! — завопил Ягун.

Сарданапал понял, что ошибся и выбрал не тот рычаг.

— Э-э... Ну да... Хотя учти, если Медузия или Зуби откажут... — осторожно продолжил он.

— Они откажут, только если с ними советоваться. Когда все свалятся на голову, отказывать будет поздно.

И потом, разве не вы глава школы? Разве ваше мужское авторитетное слово не есть закон для нас всех? — надув щёки, сказал Ягун.

Академик устало махнул рукой, буркнул что-то про родство и ушёл.

— И почему это я должна была прыгать зайчиком? — мрачно спросила у Ягуна Таня.

— Ты что, забыла? Я выполнял просьбу Шурасика. Старине Шурасику завтра двадцать лет. Душа его жаждет праздника. А моя душа жаждет шумной толпы контуженых однокурсников.

Таня задумчиво кивнула. Собрать вместе весь курс — что может быть лучше. И Ванька, возможно, выберется.

— Танька, прости, я должен бежать! — спохватился Ягун.

— А завтрак?

— Я забыл сделать одну штуку. Захвати мне чего-нибудь мясного, но чтобы оно не шевелило лапками. Ладно? Ну пока!

И Ягун умчался, паря на ушах, как на крыльях любви. У него вечно были всякие «пылесосные» дела-делишки: понестись туда-то, договориться с тем-то, чтобы тот повёл к какому-то своему знакомому смотреть клапаны или менять присадку на новую трубу. Причём зачем нужен тот, первый, посредник и почему нельзя связаться сразу напрямую, Тане было глубоко непонятно.

Однако бегательная система явно имела свои бонусы, потому что, несмотря на то что Ягун вечно сидел без дырок от бубликов, пылесос у него был самый навороченный в Тибидохсе. Местные же русалки, на чешую которых играющий комментатор постоянно зарился, боялись Ягуна до дрожи. Исключение состав-

ляла Милюля, которая мало того что сама никого не боялась, её ещё и боялся грозный Поклёп. «Подхвостник!» — называл его Ягун с учётом того, что каблуки у русалки по известным причинам отсутствовали.

* * *

Ближе к обеду стало окончательно ясно, что Медузия и Великая Зуби не то чтобы согласны принять в Тибидохсе всю ораву, но вроде как активно и не возражают. Другими словами, это было скорее да, чем нет.

— Мигом всех обзваниваем! Надо ковать железо, чтобы было что сдать в металллом! — велел Ягун.

Таня вздохнула и послушно принялась ковать железо. Когда белая дымка на экране зудильника рассеялась, Таня увидела Гробыню. Склепова томно возлежала на диване, закинув ноги на его спинку. Гуня массировал ей ступни. При этом вид у него был такой суровый, будто он сейчас озверевает и поотрывает Склеповой все пальцы на ногах. Хотя, если вдуматься, у Гуни всегда был такой вид. И тем не менее Гробыня до сих пор была жива.

— О, Гроттерша! Снова ты, бешеная сиротка! Никакого покоя! Никакой личной жизни! — сказала Склепова будничным голосом.

Таня обиделась. Можно было подумать, что в последний раз они разговаривали не несколько месяцев назад, а только вчера.

— Прости! Я, кажется, помешала!

— Ты всегда мешаешь, и я всегда тебя терплю!.. Трудись, трудись, Глом! Не тебе звонят!..

— Что-то у тебя дымно в комнате! — сказала Таня, принюхиваясь. Зудильник неплохо передавал запахи.

— А то! — сказала Гробыня. — А кто виноват? Всё он, тиран и деспот! Вообрази, этот индивид по-

спорил со мной, что я, если постараюсь, способна приготовить яичницу. Вот и проспорила. Пожарные уехали четверть часа назад.

— Она пыталась жарить яйца огнедышащим заклинанием! В доме! Где шторы! Бумага! Деревянные стулья! — злобно крикнул Гуня и дернул Гробыню за большой палец.

Склепова ойкнула и швырнула в Гуню подушкой. Гуня поймал подушку и бросил обратно. Гробыня кинула в него кремом и лягнула ногой. В ответ Гломов, пыхтя, перевернул диван и сбросил Гробыню на пол. Потом уселся сверху и принялся душить. Гробыня не особенно сопротивлялась. Судя по всему, это была такая мирная семейная игра.

— Слушайте, вы явно заняты! Давайте я позвоню через час, — вежливо предложила Таня.

Гробыня замычала. Подняв руку с перстнем, она ужалила Гломова искрой в нос и, освободившись, плюхнулась в кресло:

— Нет уж, Гроттерша! Говори сейчас, чего тебе надо. Через час я буду уже на кладбище.

— ГДЕ?! — испугалась Таня.

— Где слышала! У нас теперь контроль и учёт, сиротка! За всё личная ответственность! Эти тупые вурдалаки уже дважды раскапывали не ту могилу и приводили на эфир кого попало. Грызианка визжит, как фурия, и плюётся кислотой. Чуть какая накладка — виноват всегда тот, кто молод, красив и талантлив. Ну а прав, понятно, тот, кто стар, безобразен и бездарен!

Судя по всему, она давно уже распределила все роли.

— Не буду тебя задерживать. Я только хотела пригласить вас на день рождения! Завтра, в шесть вечера. В Тибидохсе, — сказала Таня.

Гробыня подняла брови. Её глаза так и остались разными. Один был голубой и наивный, а другой хитро смотрел из монгольской щёлочки.

— Ты что, собралась родиться два раза в году? Дело, конечно, твоё, Гроттерша, но сильно не увлекайся.

— Я в курсе, когда я родилась. Я приглашаю вас на день рождения Шурасика. Ему двадцать лет. Первый сознательный юбилей и всё такое, — объяснила Таня.

Склепова хмыкнула:

— Что, Шурасику уже двадцатник? Это круто! А Сарделькокопал дал согласие на бучу по этому поводу?

— Дал. Под поручительство Ягге и Соловья, что крышу сорвёт только у нас, а не у Большой Башни.

— Мудро. Ответственность — это та же шоколадка. Её лучше разделить на всех... — оценила Гробыня. — Ещё вопрос: а чего Шурасик сам меня не пригласил?

— Шурасик прилетает из Магфорда. Он очень занят и просил нас с Ягуном всё организовать.

— А, ну да! Магфорд! — небрежно вспомнила Гробыня. — Шурасик же теперь важная шишка на важной ёлке! Интеллектуальная подпорка для тупого ректора! Его глаза, мозг и язык!..

— Так вы будете или нет?

Гробыня задумалась:

— Гуня, у нас завтра есть передача?

Гломов мрачно замотал головой.

— Мой негритенок-секретарь подтверждает, что передачи нет. Ну так и быть: мы припрёмся. Оркестр, надеюсь, будет?

— И оркестр, и расстрельная команда, — пообещала Таня.

Склепова усмехнулась. Большой бульдозер великодушно не заметил наезда маленькой машинки.

— Ну и славно! Ждите нас! Сарделькокопалу, Клёпе и прочим Медузиям привет! — сказала Гробыня.

Щелчком пальцев она притянула к себе зудильник и метко запустила им в Гуню. Экран погас.

Таня отметила, что имя «Медузия» Склепова особенно не уродовала. И очень дальновидно. Щенок, даже самый отважный, всегда должен знать, на какую собаку тявкать можно, а где лучше взять смысловую паузу.

* * *

После Гробыни Таня обзвонила и остальных по списку. Жикин подскочил к зудильнику сразу. Узнать в нём прежнего красавчика было нелегко. Левая скула раздулась, отчего глаз казался маленьким. С другой стороны, на фингал это походило мало. Желвак вздулся не там, где это обычно бывает после драки, а ближе к носу.

«Сглазил небось кто-то. И правильно. Нечего обманывать юных ведьмочек», — решила Таня не без злорадства.

Жикин узнал Таню и заметался. Если он и ждал чьего-то звонка, то явно не её.

— Чего надо? Перезвони мне через минуту! — крикнул он Тане и отключился.

Экран зудильника ещё не успел погаснуть, когда Таня заметила, что Жикин сорвал со спинки кресла пиджак и суетливо накрыл им что-то, лежащее на столе. Таня не разглядела, что именно. По правде говоря, жикинские секреты её занимали мало. Маги умеют уважать чужие тайны. У них и своих более чем доста-

точно. Она дала Жикину две минуты закончить все дела и перезвонила снова.

На этот раз Жикин ответил после третьего звонка и уставился на Таню с бараньим выражением. Всё, что было на столе, успело исчезнуть, включая пиджак.

— Ну? Чего? Какая информация? — спросил он сердито.

Предположить, что Гроттер могла позвонить ему просто так, без определённой цели, Жорик не смог бы и в бреду. Таня передала ему приглашение Шурасика. Жикин сухо пообещал, что будет, и отключился, не прощаясь. С Таней он никогда не притворялся любезным. Её бы это не обмануло, а ему самому было совершенно не нужно.

«Странная штука жизнь. Мы с Жориком даже обидеть друг друга не смогли бы. Мы не просто разные — мы существуем в разных вселенных», — подумала Таня, глядя на опустевший экран, продолжавший тихо мерцать.

После Жикина она набрала Горьянова, решив сделать сначала все неприятные звонки, а затем переходить к приятным. Вообще-то звонок Горьянову по жребию выпал Ягуну, но хитрый Ягун обменял его на звонок Бейбарсову и Зализиной, который выпал Тане.

Горьянов обнаружился в грязноватой конюшне. За металлической сеткой скорбно жевали сено пегасы. Вид у них был замученный, крылья хилые, в болячках. Все пегасы были либо слишком молодые и неокрепшие, либо старые и заезженные. Таня как ученица Тарараха отметила это сразу.

— А, Танька! Как ты, мать? — заорал Горьянов с несвойственной ему бодростью. Прежде он разговаривал исключительно умирающим голосом.

— Мать нормально. А ты как, отец? — спросила Таня, размышляя, не стукнулся ли Демьян недавно головой.

Горьянов немедленно принялся хорохориться и рассказывать, как круто у него идут дела.

— Занимаюсь, понимаешь, организацией скачек! Все призовые пегасы мои! Нужны будут деньги — ты только заикнись! — заявил он.

— Счита́й, уже заикнулась! Куда к тебе прилететь за деньгами? Вылетаю немедленно, только контрабас достану! — с энтузиазмом вызвалась Таня.

Как она и ожидала, больше к этой теме Горьянов не возвращался да и адресочка, куда прилетать, не оставил. Воротничок рубашки у него был грязный, а магический бриллиант в перстне, который он ей невзначай показал, явно фальшивый. Кроме того, Горьянов определённо начинал лысеть. Учитывая, что ему было всего девятнадцать, это наводило на мысль, что будет лет через десять.

— Я тут босс! Хозяин конюшни! — сообщил Горьянов, но как-то не слишком громко.

— Рада за тебя! Большому кораблю — судьбу «Титаника»! — сказала Таня.

Мимо прошёл молодой косолапый вампир с двумя вёдрами воды. Вампир бесцеремонно толкнул Горьянова ведром и заорал, чтобы Демьян тут не шлялся и валил отсюда, потому что от него вода в вёдрах портится. Горьянов испуганно шарахнулся. Вампир проследовал дальше. Пегасы испуганно шарахались от него и отдёргивали морды от кормушек, ощущая кровососа.

— Кто это? — спросила Таня.

— Э-э... Младший конюх! Я позволяю сотрудникам независимое поведение, если они профессионалы. Лошади его обожают. Души в нём не чают! — объяснил Демьян Тане, убедившись, что вампир отошёл достаточно далеко.

— И правильно делают. У вампиров нет души, — сказала Таня.

Горьянов смутился. Таня пожалела, что одёрнула его. Если не давать мужчине хотя бы изредка хорохориться, он совсем захиреет.

— Демьян, завтра у Шурасика день рождения. В шесть часов в Тибидохсе. Ты сможешь? — спросила она очень ласково.

Горьянов снова заважничал. Достал из кармана исписанный блокнот и стал перелистывать страницы:

— Я жутко занят. Сумасшедший график. На много недель вперёд всё забито... Секретарша просто оборзела!

— Жалко. Ну ничего. Я скажу Шурасику, что ты не можешь. Думаю, он поймёт, — сказала Таня.

Горьянов испугался:

— Стой, не надо! Когда, ты говоришь? В шесть?.. Хм... Я попытаюсь вырваться, хотя, возможно, опоздаю. Вы уж там не скучайте без меня, лады?

Таня пообещала, что скучать они не будут. После Демьяна она позвонила Верке Попугаевой и Дусе Пупсиковой. Обе подруги оказались вместе, поэтому вполне хватило одного звонка.

— Как дела, Тань? Ой, я так рада, так рада! Что у тебя нового? — защебетала Пупсикова.

— Что у неё может быть нового? Играет в драконбол. Зубрит ветеринарную магию. А в личном: Бейбарсов, Ванька, Пуппер — всё та же карусель, — хмуро перебила её Верка.

Её нос беспокойно ёрзал, точно и через экран пытался вынюхать, как там и чего. «Вот собака!» — подумала Таня.

— В драконбол действительно играю. Вернулась в команду, — сказала она сухо.

— А что у тебя с контрабасом? Он у тебя заболел, что ли? — насмешливо поинтересовалась Дуся Пупси-

кова, вновь показываясь на экране зудильника рядом с Попугаевой.

— Кто заболел?

Таня невольно оглянулась на кровать, на которой точно спящий человек, укрытый до половины одеялом, лежал её контрабас.

— Ты его, случайно, кашкой не кормишь? — продолжала язвить Верка.

Несмотря на очевидную глупость вопроса, Таня смутилась. Она относилась к своему инструменту как к одушевлённому существу. Порой даже засыпала, обнимая его, как любимую собаку. Рядом с контрабасом валялись растрёпанные ноты. Таня в очередной раз пыталась научиться не только летать на контрабасе, но и играть на нём. Сарданапал как-то мельком упомянул, что в звучании струн контрабаса скрыта уникальная магия. Капризная, тонкая, своенравная, она гораздо сильнее магии обычных заклинаний. Вот только подобрать к ней ключик совсем непросто.

— Никто никогда не владел этой магией. Только твой отец и дед. Но и они едва ли продвинулись дальше первой страницы, — сказал академик.

После Попугаевой и Пупсиковой Таня позвонила Семь-Пень-Дыру. Вместо Пня на экране зудильника появился его морок, сотворённый, должно быть, из кучи пыли простым щелчком пальцев и парой искр.

— Вы говорите с автоответчиком! Я обязательно передам ваше сообщение хозяину! Оставьте, пожалуйста, ваше сообщение после третьего удара головой об стол! — сказал он.

Пока Таня размышляла, от кого конкретно требуют биться головой об стол, двойник трижды боднул столешницу и повернулся к зудильнику внимательным

ухом. Удивляясь странному чувству юмора Семь-Пень-Дыра, Таня передала приглашение Шурасика.

Остальные звонки оказались ещё проще. Последним Таня переговорила с Кузей Тузиковым, который вызвался примчаться едва ли не прежде, чем Таня объяснила, на чей юбилей его приглашают.

— А, да, Шурасик! А я думал почему-то — Сарданапал. А как придти — с подарком или без? — проблеял он в страшном возбуждении, как всегда всё путая.

— Лучше с подарком. А там как сам решишь, — сказала Таня.

— А-а, ну да... ну да... А что Сарданапал любит?

— Сарданапал много что любит, но юбилей у Шурасика, — терпеливо повторила Таня.

— А, ну да... ну да... А еда-то у Сарданапала будет?

— Будет, — сказала Таня, зная, что Кузя любит хорошо поесть. Это было видно и по его животу, который всё больше обретал сходство с набитым рюкзаком.

Тузиков сразу воодушевился:

— А, ну да, как иначе?.. А когда прилетать? Завтра? А сегодня к Сарданапалу можно?

— Можно и сегодня. Но только лучше к Шурасику, — повторила Таня без всякой надежды, что Тузиков запомнит. Главное, что он уловил, что приглашают его в Тибидохс, а не на Лысую Гору. Уже немалый прогресс. Лишь бы по дороге не потерялся.

* * *

Отключившись, Таня с облегчением метнула зудильник в большую ивовую корзину, где у неё лежали свитера, разрозненные ноты, конспекты по высшей магии и много чего другого. Корзина стояла на том месте, где когда-то располагалась кровать Пипы. К счастью,

у взрослых студентов Тибидохса есть не только обязанности, но и привилегии. Теперь Пипа жила в отдельной комнате, настолько забитой вещами, что они заталкивались туда только благодаря заклинанию пятого измерения и могучим плечам Бульонова. Комната Пипы находилась в противоположном крыле Жилого Этажа. И это хорошо. Чем дальше люди живут друг от друга, тем лучше у них отношения.

Около часа Таня играла на контрабасе, пытаюсь смычком извлечь из него звуки, обозначенные в нотах. Порой контрабас действительно издавал нечто похожее на эталонное звучание «правильного» инструмента. Чаще же звука вообще никакого не получалось, но вместо этого на столе начинал дрожать стакан или подушка вдруг «взрывалась» перьями, точно кто-то выпалил в неё из дробовика. При этом Таня никак не могла уловить закономерности. Если, положим, в первый раз подушку разносил определённый звук на самой толстой струне, то в следующий раз при попытке повторить тот же звук не происходило ровным счётом ничего. Сто, двести, триста раз Таня повторяла то же движение смычком на той же струне — бесполезно. Контрабас был паинькой, выводил чистую ноту — но только и всего. Лишь перстень Феофила Гроттера злобно хихикал.

— Гад ты, любимый дедушка! — говорила ему Таня. Старичок не обижался и продолжал потешаться.

Таня уже начала уставать и держалась на одном наследственном гроттеровском упрямстве, когда с лестницы донёлся гул голосов. Такой гул бывал трижды в день и обычно означал, что наступило время завтрака, обеда или ужина. Толпы учеников с Жилого Этажа спускались вниз, в Зал Двух Стихий. «Завтрачный» гул был самый тихий и размазанный. Сонливый народ

тащился еле-еле, держась за стены и перила. Многие же вообще пропускали завтрак. Зато на обед и на ужин проголодавшиеся ученики валили толпой. Лестница сотрясалась, и молодцы из ларца едва успевали расстлать самобранки. Топот был слышен даже в магпункте у Ягге.

— О, наши мышинные жеребчики поскакали на водопой! — говорила Ягге.

Случалось, что кто-то — в основном лентяи из третьекурсников, мнящие себя всезнайками, — пытался перенести завтрак, ужин или обед прямо в комнату, используя пространственное заклинание перемещения мелких предметов «*Халявум*», но чаще это заканчивалось тем, что лестницы оказывались перемазанными кашей, а на парадных портретах Древнира висели прилипшие котлеты. Происходило так потому, что, произнося «*Халявум*» и выпуская искру, нужно было чётко представить себе трёхмерную карту Тибидохса со всеми коридорами, башнями, проходами и мысленно прочертить путь переносимого предмета. Стоило недоучесть какую-нибудь стену или поворот лестницы — и именно туда втыкалась злополучная котлета.

После неприятного случая, когда миской с салатом оливье был атакован сам Поклёп Поклёпыч, купивший накануне на Лысой Горе новый костюм, на «*Халявум*» в стенах Тибидохса была наложена блокировка.

Решив, что неплохо будет пообедать, Таня положила контрабас в футляр и, собираясь закрыть его, погладила струны ладонью.

— Прости, но мне придётся тебя оставить! — сказала она, слушая обиженный гул инструмента.

По дороге к лестнице Тане нужно было пройти мимо комнаты Пипы. У закрытой двери с лицом часового стоял терпеливый Бульонов. В комнате что-то грохо-

тало, вопило, буйило. Изредка дверь распахивалась и наружу вылетал ком спутанного и порванного тряпья. Узнать в этой вывернутой наизнанку и изрезанной ножницами рвани одежду из дорогих московских бутиков было почти нереально.

Таня была уже шагах в трёх, когда мимо её лица просвистел и ударился о стену чемодан. Дверь вновь захлопнулась.

— Пипенция не в духе? — спросила Таня у Бульонова.

Тот подтвердил её предположение грустным кивком.

— Хочешь, я к ней зайду и успокою? — предложила Таня.

— Не стоит. Она тебя убьёт. Меня убьёт. Всех убьёт. На ней опять ничего не сходится. Она утверждает, что кто-то сглазил её вещи. На самом деле она снова растолстела, но боится себе в этом признаться. Вот увидишь, с завтрашнего дня сядет на диету и будет питаться одними макаронами. Она от них худеет, как её мамулька от ананасов, — сказал Бульонов.

Таня подумала, что Генка прав. Соваться к Пипе и правда не стоит. Интуитивная магия есть интуитивная магия. Её всплески неподконтрольны даже самой хозяйке.

Таня спустилась в Зал Двух Стихий. Все преподаватели и большинство студентов уже были там. Медузия ругала Поручика Ржевского. Поручик опять пугал младшекурсников, новый набор которых состоялся всего две-три недели назад, своими ножами в спине и прочими дебильными фокусами. На новичков почему-то всегда действует такая дешёвка, как вылезший глаз, плавающий в супе.

Поклёп нервно барабанил пальцами по столу. Ему было неловко. Рядом в бочке сидела Милюля и жадно

терзала белыми зубами ещё живую сельдь. Если рыба билась, Милюля надкусывала ей голову и выедала мозги. Доцент Горгонова косилась на русалку и удручённо качала головой. Она не была брезглива, но всё же считала, что русалкам стоит питаться отдельно.

— Недавно подарил ей на день рождения аквариум с золотыми рыбками. Очень уж просила. И угадайте, что Милюля с ними сделала? — натянуто засмеялся Поклёп.

Медузия холодно прищурилась.

— Передайте мне соль, Клёпа! — попросила она.

Поклёп передал соль.

Сарданапал, удручённо качая головой, о чём-то беседовал с Великой Зуби. Зуби морщилась. Она была недовольна, что её отчитывают, как девочку. По кольцу Зубодёрихи кругами бегала красная искра. Глаза за толстыми стёклами очков казались выпуклыми, пристально-проницательными.

Сарданапал говорил тихо, но кое-что до Тани всё же донеслось:

— Дорогая Зуби! Умоляю: не обижайся и не пойми меня превратно. Я не ставлю под сомнение твой профессиональный опыт. Я просто хочу подчеркнуть: чтобы эффективно учить защите от сглаза, не обязательно пачками отправлять учеников на больничные койки.

— Я готовлю их к реальной жизни, академик! На следующий урок, уверена, все придут подготовленными, — сердито отвечала Зуби и отмахивалась от укоризненно-назойливой бороды Сарданапала.

— Она опять сглазила трёх учеников. Наложила на них собачий сглаз. Теперь они в магпункте грызут ножки кроватей. И не только. Ягге говорит, что они будут воображать себя собаками ещё с неделю, — шепнул кто-то Тане.

Таня оглянулась и увидела Колю Кирьянова, теперь уже второкурсника. Внешне Кирьянов мало изменился. Был всё такой же глазастый и бледный.

— Откуда ты знаешь?

— Они были с моего курса, — пояснил Коля и хихикнул.

Лучше бы он этого не делал.

Таня успела блокироваться — в конце концов, она была уже взрослой, — но рядом двое первокурсников свалились со страшной резью в животе. Поклёп беспокойно подбежал к ним. Первокурсников унесли.

— Знаешь, Коля, ты лучше не смейся. И плакать тоже не надо! — настойчиво посоветовала Таня.

За последние месяцы с возможностями Кирьянова познакомился уже весь Тибидохс. Когда Коля шёл по коридору, все прижимались к стенам и дрожали. Когда входил в библиотеку — читальный зал пустел. Бедного же Колю всё время тянуло общаться. Он боялся одиночества. Ночью он всхлипывал во сне, и вместе с ним всхлипывали ещё семь-восемь ближайших комнат.

— А что мне делать? — спросил Коля грустно.

— Просто сиди и ешь. Думай о чём-нибудь в меру жизнерадостном, но ни в коем случае не смешном, — посоветовала Таня.

Вспомнив, что она пришла обедать, а не сидеть на балконе и наблюдать жизнь, Таня с любопытством уставилась на скатерть. Интересно, какая сегодня? Ага, блинчиковая. Это хорошо. На горячие блинчики с маслом соседние столики с удовольствием поменяют и печёную картошку, и плов, и спагетти. Совсем другое дело неликвидная манная каша или тёртый редис с майонезом. На них никто не меняется.

Ягуна до сих пор не было. Это удивило Таню. Играющий комментатор не страдал отсутствием аппетита

и пропускал обед только в исключительных случаях. Обед — это вам не завтрак. К нему надо относиться серьёзно.

К Тане подплыл Поручик Ржевский. За его спиной маячила укоризненная супруга.

— Этот анекдот я слышала... И самый-самый новый тоже слышала... Всё слышала! — сказала Таня прежде, чем Поручик открыл рот.

Последние недели Ржевский донимал её бородами анекдотами, которые были не только сальные, но и кошмарно длинные. К середине анекдота Таня обычно забывала начало. Конец же напроочь заглужался гоголем самого юмориста.

Ржевский покачал головой.

— Я без анекдота, Тань. Моей жене сегодня приснилось, что ты плачешь, — сказал он серьёзно.

У Тани отвисла челюсть. Услышать такое от Ржевского! Повторяю по буквам: Р-ж-е-в-с-к-о-г-о!

— Не врешь? — спросила Таня подозрительно.

— Обычно ей вообще не снятся сны, да и спит она крайне редко, а тут такое... В общем, я подумал, тебе интересно будет узнать.

Тане стало жутко. А тут ещё к ней подплыла сама Недолеченная Дама и, заламывая руки, принялась завывать:

— Ты не плакала — ты рыдала. Смотрела, как он уходит, и рыдала! Моё сердце разорвалось бы вторично, если бы давным-давно не истлело в могиле. Я никогда не видела тебя такой подавленной!

— Погоди! Кто уходит? — спросила Таня.

— Этого я не знаю. Я видела только спину... Сон, дорогая моя, — это совершенно особенная вещь. Иногда ты видишь спину, иногда уши — и всё это абсо-

лютно друг другу не противоречит, — назидательно заявила Недолеченная Дама.

Она вытянула губы трубочкой и, воздев глаза к потолку, продолжала:

— Но это была не спина Вольдемара, готова поручиться!.. Вольдемар, немедленно наденьте голову! Лучше уж снимите носки, если вас так тянет что-то снять!.. Ходить без головы в женском обществе дурной тон! Я в шоке!

Призрак послушно нахлобучил голову. Голова Ржевского скорчила рожу и показала жене язык.

— Вы ужасны, Вольдемар! Вы превратили мою уединённую мыслящую жизнь в непрерывное страдание! Брак — это поддержка, это помощь в беде, это понимание, а не страсть и пошрое завистливое соперничество! О, как же ты счастлива, Гроттер, что не станешь женой того, кого любишь!.. — надрывно сказала Недолеченная Дама.

— Что-о-о? — спросила Таня недоверчиво.

— Воспринимай это как пророчество! — щурясь, сказала Недолеченная Дама.

Она взмахнула руками — длинные рукава взметнулись как крылья чайки — и исчезла, оставив Таню в недоумении.

«Так, спокойно! Чего я психую раньше времени? — сказала себе Таня. — Надо посмотреть статистику по сбывшимся пророчествам привидений. То ли седьмой, то ли восьмой том «Книги духов». Если мне не изменяет память, три четверти их пророчеств — полная лажа».

Всё же Таня была взволнована. Несколько минут она просидела в глубокой задумчивости, после чего заставила себя выбросить пророчество Недолеченной Дамы

из головы. Кто даст гарантию, что жена Ржевского это не выдумала? Фантазия у неё богатейшая, а скромный корабль логики давно утонул в пенных водах неуёмного воображения.

Неожиданно со стороны лестницы появился пухлый купидон с кожаной сумкой. В полутьме Зала Двух Стихий кожа купидона казалась зеленоватой. Множество глаз уставилось на амура. Тот наискось пересёк зал, далеко обогнул массивную люстру, в ковном кругу которой пылали факелы, и уверенно направился к Тане. Зависнув на трепещущих крыльях, он уронил ей на колени конверт, сразу развернулся и улетел.

— Странный купидон, — со знанием дела заявил Коля Кирьянов.

«До чего же эта мелочь любит важные интонации!» — подумала Таня.

— Почему странный?

— Ну как? Прилетел во время обеда. Еды везде полно всякой, а он не стал попрошайничать. Где логика?

— А если с ним уже расплатились? — предположила Таня.

— Какая разница? Ты только подумай: вокруг столько еды. Не слишком похоже на купидона — вот так вот взять и улететь от хорошей жизни. Не-а, странно, — заявил Коля Кирьянов.

Таня подумала, что он прав. Дождавшись, пока общее любопытство уляжется и все вновь уставятся в тарелки, она распечатала конверт и быстро взглянула на письмо. Оно было совсем коротким — всего одна строчка:

*Сегодня в полночь жду тебя на побережье
у Серого Камня.*

Ванька

Обычно от счастья не умирают, однако Таня была близка к этому. Как же много может сказать обычный тетрадный лист! Выходит, Ванька решил хотя бы на время, пусть на одну ночь, вырваться из своей глуши! Оставил лешаков, Тангро, оставил жеребёнка, которого ему подарили два месяца назад (обычный немагический жеребёнок, тонконогий, с белым пятном на носу — будто в краску влез), и теперь мчится в Тибидохс на своём древнем пылесосе, по которому скучает любая свалка.

В полночь на побережье у Серого Камня! Это романтика, которую почти нереально ожидать от Валялкина. Неужели правда соскучился и взялся за ум? Прежний Ванька назначил бы ей встречу где-нибудь у клеток с гарпиями. Он лечил бы гарпий от кровососущих паразитов, которых у тех полно под крыльями. Гарпии в благодарность покрывали бы его заборной бранью и плевались слюной, после которой остаются ожоги.

Таня невольно засмеялась, прижимая листок к колену. Угол бумаги трепетал: должно быть, кто-то из находившихся сейчас в Зале Двух Стихий проявлял любопытство. Таня наугад послала лёгкий икательный запук, но, кажется, ни в кого не попала. Но всё же предупреждение подействовало. Её письмо оставили в покое.

Видя, что Таня смеётся, впечатлительный Коля Кирьянов не выдержал и захохотал. Соседний стол опустел, как если бы кто-то методично прошёлся по лавке из пулемёта. Пятикурсники сыпались так же, как и третьекурсники. Против Коли не существовало эффективных блоков. Тане повезло. Она сидела близко к Кирьянову и находилась от него в «мёртвой», не простреливаемой магией зоне. Её лишь слегка подбросило и опустило на прежнее место.

К Коле Кирьянову подполз Тарарах, сдёрнул его за ногу и перекинул животом через плечо.

— Пойдем-ка, братец, ко мне в берлогу! Там ты успокоишься, и всё будет славненько, — прогудел он.

В голосе Тарараха не было раздражения — только бесконечная доброжелательность. Разве бедный мальчик виноват, что его смех и слёзы выкашивают магов, как коса Мамзелькиной, правда не с таким летальным исходом? Кирьянов бывал в берлоге у Тарараха уже не в первый раз. Даже помогал ухаживать за животными. Со временем из него вполне может вырасти новый Ванька.

* * *

После письма Таня уже не могла успокоиться. Она постоянно думала о Ваньке и не понимала содержания конспектов по ветеринарной магии, которые пыталась читать, чтобы отвлечься. То есть отдельные-то слова она осознавала и могла объяснить, но общий смысл упорно ускользал. Даже простейшее предложение: «Волосы, добровольно состриженные с ушей у лешего и добавленные в ведро воды, выдержанной три ночи на лунном свете, по сообщениям античных источников, являются эффективным средством против радикулитов у крупного рогатого скота, хотя проблему нельзя считать до конца изученной и она продолжает нуждаться в углублённом изучении» — ей пришлось прочитать раз восемь, прежде чем она поняла, о чём идёт речь.

«Нет, сегодня заниматься уже бесполезно. Всё равно ничего не запомню», — подумала Таня, отправляя тетрадь с конспектами в полёт, завершившийся в ивовой корзине.

Она надела комбинезон, распахнула окно и, убедившись, что Поклёп не караулит во дворе школы, проскользнула на контрабасе между башнями Тибидохса. Обходить полётные блокировки они с Ягуном научились давно. Проплыла выщербленная, со сбитыми зубцами, со следами былых осад стена, знакомая Тане так, что она с закрытыми глазами, лишь ощупывая сколы зубцов, могла бы сказать, где находится. Сколько раз они бродили здесь с Ванькой!

Во рву лицом вниз плавал раздувшийся синий утопленник. Непривычный первокурсник пришёл бы в ужас, но Таня знала, что это всего лишь водяной, причём не мёртвый, а натрескавшийся рыбы и дремлющий. Именно к этому водяному Поклёп жутко ревновал Милюлю. Однажды дело дошло до того, что он едва не вскипятит ров искрами. Милюля, помнится, хихикала и говорила всем: «Мой Клёпа — жю-у-уткий мавр».

Согнув левую руку в локте, Таня прижалась к контрабасу. Прильнула к нему щекой, ощутила прохладную и ободряющую сухость полировки. Она часто так делала, сама не зная зачем. Это стало частью одного из множества ритуалов и примет, которыми невольно обзаводится всякий маг, — с какой ноги встать, на какую ступеньку не наступать или наступать, на какое место не садиться или садиться, какого зуба касаться языком, когда вытягиваешь билет на экзамене...

Контрабас был чутким и нервным. Он реагировал на любое движение смычка, на положение тела, даже на наклон головы. Когда инструмент разгонялся, достаточно было отставить всего лишь палец на руке, сжимающей смычок, чтобы контрабас начал плавно разворачиваться. Иногда Тане казалось, что он способен слышать мысли и реагировать на настроение.

Досадный порывистый ветер с юго-запада дул Тане в спину и гнал её вперёд, как судно под парусом. Вроде как помогал, но на самом деле мешал. Подгонял так стремительно, что всё время сбивал с курса. Нос контрабаса разворачивало вниз. Исправляя курс, Тане приходилось нацеливать смычок с бóльшим запасом, чем она делала бы это в безветренную погоду.

Таня была уже недалеко от драконьих ангаров, когда её внимание привлекли сразу несколько белых вспышек «Грааль Гардарики». Заинтересованная этой странностью, Таня перестала снижаться и, вскинув руку со смычком, заставила контрабас набрать высоту. Ей представилось, что это мог прилететь Ванька, хотя в этом случае вспышка была бы всего одна и совсем не белая. Однако Таня была слишком взбудоражена возможностью скорой встречи, чтобы рассуждать логически. Пригнувшись к грифу контрабаса, она произнесла «*Торопыгус угорелус*» и устремилась навстречу вспышкам.

«Помчусь ему навстречу, будто на таран, а потом резко наберу высоту. Если же он свалится, я успею его подстраховать *«шмякисом брякисом»*, — прикинула она.

Однако всё оказалось не так просто. Таня была уже в какой-то сотне метров, когда стало ясно, что никакой это не Ванька, а несколько склепов Магщества Продрыглых Магций. Склепы уверенно летели прямо на Таню. Она видела круглые головы магфицеров. За ними в ряд маячили пепеломётчик с помощником, боевой маг и три стрелка со глаздоматами. Над склепами на шестах завывали сирены проблескового ужаса. Заметив несущуюся на них Таню, глаздоматчики взяли её на прицел. Боевые маги припали к шарам. Засуетились и пепеломётчики, разворачивая в сторону Тани свои громоздкие агрегаты. Пятьдесят метров, тридцать...

Каменные склепы не сворачивали. Магфицеры не делали попыток изменить направление. Таня поняла, что её лёгкий контрабас сейчас просто размажут. Она обхватила гриф левой рукой и, бросив его вниз, чтобы не попасть под случайный выстрел, ушла от лобового столкновения. Склепы пронеслись над ней, рассекая воздух. Контрабас завертело, и, лишь увеличив и без того немаленькую скорость, Таня обрела контроль над инструментом.

Не делая попыток преследовать её, склепы Магщества пронеслись к Большой Башне Тибидохса. Лишь сглаздоматчики выцеливали Таню, пока она оставалась в зоне огня. Таня зачем-то сосчитала склепы. Их было пять. Четыре, расположенных каре, и один, огромный, бронированный, окружённый двойным кольцом магической защиты, в центре. Кого перевозил бронированный склеп, определить было невозможно. Все опознавательные знаки отсутствовали. Склеп был наглухо закрыт и непроницаем. Лишь для пилота имелось небольшое окошко в передней части, да сзади была башенка с торчащими в ней дулами счетверённого сглаздомата такого устрашающего калибра, что одним выстрелом можно, вероятно, не только сглазить мага, но и навеки проклясть пятиэтажку подъезда в три.

Проследив направление кортежа, Таня сообразила, что он летит на луг у Большой Башни, который в дни встреч всевозможных делегаций используется как посадочная площадка. Навстречу склепам Магщества из главных ворот Тибидохса уже направлялось несколько точек — две маленькие и три большие. Скорее всего, кто-то из преподав и несколько циклопов охраны. Большой спешки и суеты в их движениях не наблюдалось, из чего Таня заключила, что прибытие склепов не стало неожиданностью для руководства Тибидохса.

Будь это иначе, «Грааль Гардарика» никогда не впустила бы посторонних, да ещё и вооружённых до зубов магов.

«Натуральные идиоты!» — буркнула Таня. Мысль, что она могла погибнуть так глупо и неосторожно, настигла её только сейчас. Страх запоздало пришёл и постучал в запертые двери.

Вспомнив, что она направлялась в драконьи ангары, Таня вновь развернула контрабас. Как всегда с ней бывало после неоправданного риска, теперь она летела с удвоенной осторожностью и даже отказалась от своего обычного опасного манёвра при посадке. Манёвр состоял в том, что Таня, не снижая скорости, рискуя контрабасом и головой, пролетала в узкую щель между столбом, страхующим охранную магию поля, и стеной ангара.

Тренировка должна была начаться не раньше чем через час. Драконьё поле пока пустовало. Лишь кое-где на трибунах были заметны группы учеников, в основном младшекурсников, пришедших заранее, чтобы посмотреть на игру. Почти в каждом из зрителей жила надежда, что Соловей его заметит и оценит: «Эй, малый, иди сюда! У нас защитника нет! Слушайте, а у парня дар! Какой перевертон! Срочно в команду!»

Конечно, случалось такое раз в сто лет, но если очень ждать и надеяться, то сто лет не такой уж и большой срок.

Приземлившись, Таня отправилась искать Соловья. Для начала она поочередно заглянула в оба ангара, в одном из которых Гоярын струями пламени разгонял драконюхов, а в другом резвились его великовозрастные сыновья. Старого тренера в ангарах не оказалось. Это Таня поняла ещё раньше по поведению джиннов. Драконюхи двигались вяло и работали неохотно.

Несколько лентяев, побросав вёдра и лопаты, валялись на куче песка (точнее, учитывая природу джиннов, *над кучей песка*) и курили трубки. *Курящий* джинн — это совсем не то же самое, что *курящий* лопухойд. Человек вдыхает дым и выдыхает его. У джинна же дым остаётся внутри и, медленно смешиваясь с влажным туманом, составляющим тело, странствует, принимая очертания людей, животных, камней и всего, что придёт джинну в голову.

«Если вы потребуете у меня выразить сущность джинна двумя фразами, то вот они: «Не существует нормального джинна, равно как не существует и ненормального джинна. Джинны вечно плавают между двумя берегами», — вспомнила Таня слова Сарданапала.

Когда она проходила мимо бездельничающих джиннов, те лишь лениво приподняли припухшие веки. Ни один не сделал попытки потянуться к лопате.

«Только Соловья и боятся. Даже на Тарараха, по-моему, плевали», — подумала Таня с досадой.

Прикинув, где может быть тренер, она через поле отправилась к раздевалкам. Навстречу ей ветер гнал по песку обтрёпанный лист бумаги. Сама не зная зачем, Таня наклонилась и поймала его. Это оказалась страница, вырванная из книги, или, скорее, из журнала.

Текст не имел ни начала, ни конца, но всё же Таня прочитала его:

Некромаг не знает слова «нет».

Некромаг всегда идёт до конца.

Некромаги не боятся одиночества.

Основное отличие мертвяка от некромага: некромаг мёртв всегда.

Некромаги не боятся любить и ненавидеть.

Некромаги не сомневаются. Они действуют.

Некромаг любит ночь.

У некромагов отсутствует брезгливость. Они способны спать в разрытой могиле на груде костей.

Некромаги никогда не меняют своих планов, какими бы бредовыми они ни были.

Некромаги способны на спонтанные поступки.

Некромаг подобен стреле, выпущенной в цель. Если цель по какой-то причине исчезает, существование стрелы теряет смысл.

Некромаги не любят себе подобных. Когда на одной тропе встречаются два некромага — один должен погибнуть. (Исключение: некромаги разного пола или некромаги, выросшие вместе.)

Дух некромага, который убил себя сам или был убит более сильным некромагом, вселяется в победителя.

Некромаги однолюбы.

Дыхание некромага убивает мелких животных.

Поцелуй некромага не забывается.

Драконы и лошади интуитивно ненавидят некромагов.

У некромагов не бывает детей.

Некромаги никого и ничему не учат. Они самодостаточны и эгоистичны в своём знании. Некромаг, который выбрал ученика, готовится к...

Таня скомкала лист и сунула его в карман. Вопросы, как лист попал на поле и почему она решила поднять его, она себе не задавала. Всякому магу ещё на первом курсе Тибидохса раз и навсегда вбивают в голову, что случайностей не бывает. Каждую минуту нам даются ответы, и надо только понять, на какой именно вопрос.